

Критерии оценки внешнеполитической деятельности России

Александр Задохин

Внешняя политика России предстает перед глазами населения страны в основном в образе, который формируют сообщения о визитах и переговорах государственных лиц. Обрамление значимости последних придают информационно-аналитические программы телевидения, пугающие народ то США и ПРО в Европе, то Грузией и Польшей, наконец – “расширением НАТО на Восток”. Но теле-картинки не повышают благосостояние россиян. Очевидно, поэтому в последнем послании президента Д.А.Медведева нашему парламенту была отражена его озабоченность этим.

Тем не менее, необходимы критерии оценки, если не только текущей результативности политики, но и, по большому счету, ее соответствия национальным интересам. Другими словами, – объективный анализ “успехов” и “неуспехов” внешней политики России, претендующей быть, с одной стороны, “продолжателем СССР” и одновременно преемником “тысячелетней российской цивилизации”, а с другой – на роль одного из полюсов в многополюсном мире, которая чуть ли не одна взяла на себя роль противостоять гегемонистским устремлениям США. Но есть ли сегодня для этого соответствующие ресурсы у России...

Глобальные цели и поставленные сверхзадачи в принципе могут способствовать мобилизации нации на качественный прорывной выход из системного кризиса.

Например, из исторического прошлого в современность осуществила рывок Южная Корея, то есть та страна, представители которой уходили когда-то на заработки в Российскую империю и загружали в ко-

ЗАДОХИН Александр Григорьевич – доктор политических наук, профессор.

Ключевые слова: национальные интересы, внешняя политика, национальная безопасность, уровень жизни.

рейских портах углем торговые и военные российские суда.

Проигравшие войну Германия и Япония смогли пережить национальную катастрофу и стать в ряд наиболее развитых стран мира.

Если исходить из предположения, что внешнеполитическая деятельность государства должна быть направлена на реализацию и защиту национального интереса во внутреннем и внешнем пространстве, то степень удовлетворения национального интереса как раз можно рассматривать в качестве критерия оценки результативности внешней политики в политической, экономической и идеологической областях.

В то же время интерпретация категории “национальный интерес” и особенно его конкретное содержание неизбежно имеет зависящее от политического строя государства и политической культуры общества субъективное измерение, представленное интерпретацией национальных интересов по содержанию и иерархии ее составляющих элементов представителями одной из элитных групп общества или представителями нескольких групп и в целом национальным сознанием конкретной эпохи.

Как правило, на описание национальных интересов и их иерархию в контексте внешнеполитической деятельности формально и по определению претендует государство. Приближенность же к реальному выражению национального интереса зависит от ряда факторов, а именно:

- политического режима и системы выработки и принятия решений;
- политической зрелости общества, элит и государства;
- особенностей национальной и политической культуры.

При всей очевидности, что внешняя политика должна исходить из интере-

сов нации, тем не менее, не всегда это происходит. С одной стороны, не просто реализовать продекларированные интересы, а с другой – необходимо еще осознать национальные интересы вообще и в каждом конкретном случае и период истории, в частности. Более того, одни элитные группы стремятся/могут монополизировать интерпретацию национальных интересов, а другие просто не берут их в расчет, когда реализуют свои.

С точки зрения степени рационального подхода к внешнеполитической деятельности государства можно разделить на две группы.

Государствам западной цивилизации присуща наиболее открытая система выработки и принятия решений, которая по системным характеристикам конкурентного (разделение властей) механизма процесса выработки и принятия внешнеполитического решения можно было бы считать более эффективной. В этой системе присутствует партийная и парламентская оппозиция, которая стремится не только контролировать и критиковать внешнеполитические подходы государства, но и предлагать свои альтернативные концепции. Со своими оценками от имени общества какой-то группы интересов или научных экспертов выступают СМИ и узаконенные лоббисты.

При такой сложной системе мнений и концептуальных подходов к содержанию и оценке внешнеполитического курса и его результативности, а также и процесса выработки и принятия решений присутствует расчет затраченного или необходимого объема ресурсов для реализации внешнеполитических целей и возможных последствий их реализации. Или по известной формуле – “стоимость – эффективность”.

Все это не означает, что данный механизм в каком-то конкретном случае

не может дать сбой или выдать ошибочное решение, не учесть какой-то фактор или их ряд и т.д. При том, что механизм сам по себе может быть и не плох, но в нем задействованы конкретные лица со своими интересами, которые могут выстраивать свою иерархию составляющих национальных интересов.

Так, одной из составных частей национальных интересов является безопасность нации. В данном случае речь может идти о нейтрализации политических, военных, экономических, информационных, технологических, культурных и цивилизационных и т.д. вызовов и угроз. Причем названный составляющий элемент может конкурировать с целым и подавлять потребность к развитию.

Составной частью интересов является и устойчивое развитие нации. При всей своей важности проблем безопасности они должны быть сопряжены с задачами развития, а не препятствовать их решению.

Другими словами, само развитие немислимо без рисков. То есть примиряющей спора иерархий “интерес-безопасность” могла бы быть концепция “устойчивого развития”. Последняя категория, в свою очередь, появилась в политическом тезаурусе совсем недавно и доступна для понимания скорее специалистам. Другое дело категория “безопасность”, о которой может рассуждать практически каждый с определенной долей пафоса или драматизма. Более того, к абсолютной безопасности можно стремиться бесконечно, рисуя образы врагов и создавая новые мифы. При этом никакой уровень безопасности не может быть субъективно принят или интерпретирован достаточным, особенно если за этим стоят политические и экономические интересы каких-то групп элит.

Эскалация безопасности заставляет изыскивать новые и новые опасности и угрозы, чтобы затем самоотверженно бороться с ними, навязывая обществу односторонний подход или свои узковедомственные и корпоративные интересы.

Историческая геополитическая ответственность (отношения с соседями, вечные проблемы безопасности, международный статус государства и т.д.) предопределяет определенную стереотипность внешнеполитического действия, тем самым, задавая основные его направления и содержания. В то же время в ситуации бифуркации – смены строя и режима государства, перестройки международных отношений – необходимо отрефлексировать сложившееся понимание национальных интересов (в том числе и безопасности) и соответственно принимать оригинальные решения в соответствии с новой реальностью и новыми принципами подхода общества к внешнеполитической деятельности государственных институтов.

Изначально – после провозглашения властью курса “обновленной России” на реформы и демократию – предполагается, как переоценка прошлого, осознание новой реальности, так и расширение числа участников внешнеполитического процесса.

Участниками разработки и принятия внешнеполитического решения и оценок эффективности внешней политики могут и являются со своими особенностями по восприятию и существующим функциям:

Со стороны государства – МИД (формально координатор), министерство обороны, спецслужбы, другие отраслевые ведомства, научные учреждения государственных или получающие госзаказ, парламент, Совет без-

опасности, Президент/аппарат президента.

Со стороны пока слабо институализированного гражданского общества – это партии, общественные организации, СМИ, лобби бизнес-сообщества, научное сообщество, известные авторитетные для общества отдельные личности.

Таким образом, критерии оценок внешней политики страны объективно (наличие информации и профессионализм) и субъективно (ценностный подход), завышенные или нереалистичские ожидания и требования, неинформированность, отсутствие доступа к информации, конъюнктурные цели, частные и групповые интересы) могут быть и отличаются друг от друга, что в условиях демократии, плюрализма интересов и толерантности вполне нормально и допустимо.

Объективно, с точки зрения системного подхода и анализа и заявленных норм демократического общества критериями оценки эффективности внешней политики могут быть:

- степень реализации внешней политикой и дипломатией существующих и перспективных национальных интересов в контексте повышения благосостояния граждан;

- степень результативности дипломатической и политической деятельности по согласованию национальных интересов России с интересами других государств в контексте создания условий для устойчивого развития;

- степень участия в сохранении и повышении уровня совокупной национальной мощи (экономика, образование – наука, технологии – инновации, профессионализм института государства) в соответствии с концепцией устойчивого развития;

- современный имидж страны (внешнее восприятие места и роли России как таковой и ее внешней политики в системе международных отношений и инвестиционный климат страны).

Государства, находящиеся на стадии демократического транзита, теоретически ориентируются на перечисленные критерии или стремятся им следовать. Но над этим стремлением на подсознательном уровне неизбежно (по определению) довлеет прошлое. Оно присутствует как в процессе выработки и принятия внешнеполитического решения государством, так и в оценках внешней политики обществом. Последнее, уже представленное разнообразием интересов и ценностей, оценивает результативность внешней политики различно.

Их оценки можно было в обобщенном виде представить так:

Одни, однозначно положительно ориентируясь на прошлое, оценивают внешнюю политику с точки зрения, как эта политика сохраняет позиции и идеологию предыдущих периодов, когда, по их мнению, государство занимало достойное место в мире.

Другие, также ориентируясь на прошлое и отторгая его, оценивают современную внешнеполитическую деятельность с точки зрения преодоления этого прошлого, причем как можно быстрее.

Третьи оценивают достижения с точки зрения того, как внешнеполитическая деятельность сохраняет прошлое (геополитические позиции, ценности, идеологию, методы) любой ценой и одновременно отвечает на новые международные вызовы и угрозы.

Четвертые, не отвергая традиции как ценность и рационально оценивая исторический опыт нации, исходят из тенденций развития и воспринимают внешнюю политику и ее результаты с

точки зрения того, как она реализует исторически постоянные и возникшие новые интересы нации в новых условиях.

Очевидно, что отсутствие достаточных ресурсов или неэффективное управление ими не позволяют реализовать многие прежние глобальные функции СССР как сверхдержавы. Часть средств уходит на самоподдержание системы государственного управления, часть на сохранение и демонстрацию великодержавного статуса, а другая, хотя ее использование вполне рационально оправданно и необходимо, “уходит в песок” из-за малых объемов и рассредоточения по многим геополитическим направлениям и проблемам.

В этой связи можно предполагать, что пассивное согласие общества на продолжение Россией играть роль миссионера в большей степени элемент инерции – привычной национальной самоидентификации. Для государства – это и важный фактор консолидации и самооблизовации нации.

Соответственно, можно поставить вопрос: с какой целью и на что?

Такое вполне возможно в период кризиса национальной идентичности, но только лишь на переходный период, пока не сформулированы новые задачи и не переосознаны национальные интересы. Или же речь может идти об интересах властвующих элит и отвлечении общества от внутренних проблем. И общество, стремясь сохранить свое внутреннее психическое равновесие, готово отвлечься, в том числе в поиске внешних причин своих проблем.

Известно, что в мире существуют такие великие державы, как Китай и Индия, которые не ставят перед собой задачу глобальной миссии, но и не против того, что Россия ее исполняла.

Логично было бы поставить вопрос о том, кто поручил в России государству взять на себя эту глобальную миссию и насколько она оправдана при наличии ограниченных (в том числе уменьшающихся демографических) национальных ресурсов и соответствует ли это заявленным целям достижения устойчивого развития.

Исторический опыт свидетельствует, что мессианская идея являлась и может являться мощной мобилизующей и консолидирующей силой.

Как представляется, сегодня национальное и геополитическое возрождение России связано с возрождением национальной идеи как идеи мессианской. Здесь важно подчеркнуть, что национальный мессианизм не является природным, изначальным призванием ни у одного народа. Мессианизм может оживляться на разных этапах национального развития, приобретая особые исторические формы. Эта идея появляется в национальном сознании в переломные эпохи исторического развития, когда народ стоит перед необходимостью защищать и отстаивать свои национальные святыни и ценности, свое пространство идентичности от реальных и внешних вызовов и угроз. И в этой борьбе ему может представляться, что ценности и идеалы, которые он отстаивает, призваны спасти одновременно и весь остальной мир, спасти все человечество, указав ему “истинный путь”.

Очевидно, что мировой кризис подводит Россию к черте, когда самобытность российской геополитической доминанты должна проявиться не отрицательно, а положительно – в технологической и инновационной мощи, творчестве и свободе, в здоровом стремлении к устойчивому развитию.

Если же говорить о национальных интересах, то отсутствие высокого уровня конкуренции среди политиче-

ских и экономических элит необходимого для интенсификации политического, социального и экономического процесса, создает условия для конфликта между миссией и национальными интересами.

Следует признать и тот факт, что основными ресурсами России остаются

ее природные богатства и продукция их первичной переработки, что вполне допустимо на переходный период. В то же время экономическое и социокультурное развитие на современном этапе определяется конкурирующими между собой высокотехнологичными производствами и обществами.

Как представляется, необходимо определиться с содержанием великодержавной миссии России и сосредоточить национальные ресурсы на тех направлениях, которые могут реально отвечать ее возможностям.

Создать условия для цивилизационного прорыва в постмодернистское общество скорее всего, возможно, если Россия займется поиском формата своей технологической специализации или же предложит некую продвинутую глобальную идею. Например, преодолев архаические и времен холодной войны комплексы.

**Подписка на 2010 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**